

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертационное исследование Фролова Романа Михайловича
«Между *privati* и *magistratus*: граждане переходных статусов в политической
жизни Римской республики», представленное к защите на соискание ученой
степени доктора исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая
история

Диссертация Р.М. Фролова состоит из введения, пяти глав основной части, заключения, списка использованных источников и литературы (998 названий) и двух приложений. Общий объем работы – 1026 страниц.

Политическое наследие Древнего Рима всегда является актуальным, так как многие элементы римской политико-административной и юридической системы стали неотъемлемой частью современной цивилизации, в том числе и российской. Опыт не только античного мира, но и последующих исторических эпох показывает, в какой степени формальная власть может отличаться от реальной и насколько необходимо знание всех особенностей функционирования государственного механизма. Можно согласиться с диссертантом в том, что в предпринятом им исследовании важен именно системный анализ элементов государственно-правового регулирования и неформальных аспектов политической культуры Римской республики. Это необходимо для изучения особенностей процесса перехода от Республики к Империи и позволяет приблизиться к пониманию сущности Принципата, который, по меткому замечанию М.И. Ростовцева, как любая синтетическая система, с трудом поддается однозначному определению.

Научная новизна данной диссертации заключается в первую очередь в том, что ее автор впервые в историографии попытался обозначить новую исследовательскую категорию, названную им обладателями переходных статусов между такими общепринятыми понятиями, как *privatus* и *magistratus*. Поскольку античные авторы не нашли для этой категории однозначного определения, Р.М. Фролов осторожно назвал обозначенную им категорию научной абстракцией. Применение ее на огромном историческом материале, от ранней Республики до принципата Августа включительно, позволило диссертанту разработать целостную концепцию роли носителей этих статусов как в политической жизни, так и в политической культуре Римской республики. Эта концепция, может быть успешно применена и для эпохи Империи, что открывает перед исследователями новые перспективы.

Структура работы вызывает вопросы, хотя бы с чисто внешней стороны. Главы 3 (176 с.), 4 (295 с.), 5 (157 с.) по своему объему скорее соответствуют монографиям, да и введение (125 с.) с заключением (45 с.) выглядят впечатляюще. На этом фоне более скромно выглядят главы 1 (44 с.) и 2 (92 с.), из которых только первая соответствует представлению об обычном размере главы квалификационной работы. Разумеется, автор волен расположить материал собственного исследования по своему усмотрению,

но, полагаю, это всё же следует обосновать, хотя бы в процессе защиты диссертации.

Введение диссертации полностью отвечает своему назначению, однако, как уже упомянуто, выглядит гипертрофированным по размеру. Представляется, что обзор источников и историографии (с. 29–93) вполне можно было выделить в отдельную главу, едва ли это повредило бы целостному впечатлению об этой важной части диссертационного исследования. Кроме того, интересно, что, если для обоснования актуальности темы потребовалось 19 страниц (с. 6–25), по сравнению с одной страницей автореферата (с. 3) то изложение научной новизны работы заняло в диссертации всего две страницы (с. 119–120).

Чтобы не быть превратно понятым, хочу оговориться, что выше перечислены не недостатки анализируемой диссертации, а то, что вызывает вопросы у читателя работы и, на мой взгляд, нуждается в объяснении.

Что касается глав основной части диссертационного исследования, то все они базируются на анализе практически всех имеющихся источников, с привлечением как классической, так и новейшей историографии всего комплекса рассматриваемых проблем, положения и выводы автора капитально обоснованы и возражений не вызывают. Приведенные ниже замечания относятся к частностям, которые в большинстве своем принципиальными не являются.

Так, в параграфе 4 второй главы анализируется сообщение Кассия Диона (LV. 6.5) о том, как после смерти Друза, пасынка Августа, который командовал римской войсковой группировкой, осуществлявшей завоевание Германии, взамен него был назначен его старший брат Тиберий, которому принцепс приказал перед занятием должности консула «издать указ (*grámmata*) в соответствии с древним обычаем». С точки зрения диссертанта, эта информация отражает ироническое отношение римского историка, жившего, по его собственному выражению, в «век железа и ржавчины», при последних Антонинах и династии Северов, к мнимому «республиканизму» Августа (с. 232).

С тем, что здесь имеет место ирония, можно согласиться, однако не исключено, что она имела место со стороны не только Кассия Диона, но и самого Августа. Дело в том, что оба пасынка Августа, проходя (естественно, на льготных условиях) ускоренный *cursus honorum* и демонстрируя свои успехи на военном поприще, в то же время, если верить Светонию, были поклонниками прежнего государственного строя и будто бы намеревались даже заставить принцепса вернуться к нему (Suet. *Claud.* 1.4; *Tib.* 50.1). Возможно, в данном случае Август, у которого с чувством юмора, порой своеобразного, всё было в порядке (Suet. *Aug.* 40.5; 42.1; 51.2; 53.2), мог, в свою очередь, заставить нелюбимого пасынка именно в качестве консула-десигната издать традиционный некогда перед вступлением в должность эдикт – в подражание столь ценимой обоими братьями эпохе Республики и в

качестве своеобразной пародии на те времена. Впрочем, это лишь предположение, на котором я не настаиваю.

Дело здесь, скорее всего, в другом, и это становится более понятным из следующего параграфа данной главы, в котором анализируется более ранний прецедент времени начала Второй Пунической войны, когда, по сообщению Тита Ливия, Гай Фламиний, избранный консулом на 217 г. до н.э., направил действующему консулу 218 г. до н.э. Тиб. Семпронию Лонгу эдикт и письмо (*edictum et litteras ad consulem misit*) о том, чтобы зимовавшие в Плаценции легионы к мартовским идам были передислоцированы в Аримин (Liv. XXI. 63.1–2).

Если я правильно понял логику рассуждений Р.М. Фролова, который подробно рассмотрел существующие по этому поводу мнения и выдвинул свои аргументы, с его точки зрения, это могло быть только «письмо с неофициальной просьбой исполнить то, что требовалось для общего блага» (с. 237), так как с правовой точки зрения нелегко, чтобы избранный консулом Фламиний, пока что бывший частным лицом (*privatus*), мог отдать приказ (именно так, «письмо с приказом», перевел это место Ф.Ф. Зелинский, чей перевод использован в данном месте диссертации) действующему магистрату Семпронию Лонгу. По мнению диссертанта, «на неформальный характер просьбы... намекает сопряженное использование термина *edictum* и слова *litterae*» (С. 238).

Разумеется, и эту правовую коллизию можно решить, согласно принципу «бритвы Оккама»: из нескольких вариантов решения какой-либо сложной проблемы наиболее вероятным является простейший. Этот вариант, как не забыл отметить Р.М. Фролов, в историографии присутствует и в данном случае: предположение, что Тит Ливий механически перенес реалии I в. до н. э., когда десигнаты активно участвовали в политической жизни, на два века назад, а в действительности никакого эдикта Фламиния, вероятно, не существовало (с. 233 л.). Впрочем, сам диссертант эту точку зрения не разделяет и, думаю, правильно делает.

Чтобы прийти к определенному решению, хотя бы на уровне гипотезы, следует учитывать военно-политическую ситуацию в Западном Средиземноморье на рубеже 218/217 гг. до н.э. Начало новой войны с Карфагеном для римлян складывалось неудачно. Консулы 218 г. потерпели два крупных поражения в Цизальпинской Галлии, население новой провинция, за исключением нескольких крепостей с римскими гарнизонами, приняло сторону Ганнибала. Было очевидно, что кампания 217 г. начнется со вторжения карфагенян, пополнивших свою армию за счет цизальпинских галлов, на территорию собственно Италии. Из консулов предыдущего года Корнелий Сципион еще не оправился от раны, полученной в сражении при Тицине. На Семпронии Лонге, который должен был передать Фламинию то, что осталось от его консульской армии, лежала, если верить нашим источникам, главная вина за разгром римлян при Требии.

При таких обстоятельствах новый командующий, который намеревался принять 15 марта 217 г. инсигнии консула не в Риме, как было принято, а в Аримине, в военном лагере, едва ли мог ограничиться неофициальной просьбой, как указано в диссертации. Примечательно, что по своему значению оба термина, употребленные Титом Ливием в его сообщении, и *edictum*, и *litterae*, имеют преимущественно императивный характер. Иначе говоря, в столь критической обстановке, которая сложилась на театре военных действий, распоряжения Гая Фламиния, даже бывшего еще в ранге консула-десигната, должны были носить характер приказаний, а не пожеланий. О конкретном механизме приведения их в действие можно только догадываться.

Если вернуться к предыдущему параграфу, где речь идет об эдикте Тиберия, который тогда, как и Фламиний на рубеже 218/217 гг. до н.э., пребывал в ранге десигнированного консула, то следует указать, что как в названии, так и в тексте этой части работы ошибочно указывается на 8 г. н.э. вместо 8 г. до н.э. В данном случае эта «мелочь» немаловажна. Дело в том, что к предшествующему, 9 г. до н.э. относятся и максимальный успех римлян в Германии, когда они дошли до Эльбы (Альбис), и трагическая гибель на обратном пути их командующего, Нерона Клавдия Друза, младшего брата Тиберия. На его место и был назначен Тиберий, который всю кампанию 8 г. до н.э. провел в Германии, закрепляя достигнутые его братом результаты завоевания огромной территории между Рейном и Эльбой. По завершении этой кампании он вернулся в Рим, где и был удостоен перечисленных Кассием Дионом почестей, включавших и консулат на 7 г. до н.э., уже вторичный в его *cursus honorum*. Мог ли он, будучи в ранге консула-десигната, издать «указ, согласно древнему обычаю» (*grámmata katà tò archaíon éthos*)?

По этому поводу диссертант рассуждает (с. 232 сл.): «Трудно предположить, кому и по какой причине в этом случае избранный консул должен был давать обязательные к исполнению указания. Если, несмотря на все указанные затруднения, мы все-таки будем считать, что *grámmata* избранного консула действительно были эдиктом «в соответствии с древней традицией», то мы неизбежно возвращаемся к вопросу о том, почему не существует других явных упоминаний об этой якобы давно установившейся практике. Этот вопрос остается неразрешимым и в том случае, если мы полагаем, что речь идет об «обязательном эдикте», и в том случае, если считаем, что *grámmata* Тиберия представляли собой «декларативный эдикт». Таким образом, рассматриваемый эпизод едва ли можно использовать в качестве убедительного аргумента в пользу наличия у десигнатов *ius edicendi*».

Но думается, что и в данном случае необходимо учитывать конкретные обстоятельства. В 7 г. до н.э. консулы-суффекты не назначались, Тиберий со своим коллегой Гн. Кальпурнием Пизоном занимали должность весь календарный год. Однако находиться всё это время в столице Тиберий не

мог, поскольку должен был командовать войсками в Германии и действительно отправился туда во время своего консулата. Указанный Кассием Дионом эдикт, если он имел место, едва ли относился к *imperium militiae* Тиберия, времена были уже другие и военная сфера принадлежала, выражаясь языком Тацита, к *arcana imperii*. Но, так как второй консул оставался в столице, предполагаемый эдикт вполне мог содержать поручения коллеге, из сферы *imperium domi* Тиберия, поскольку сам империй представлял собой высшую и неделимую распорядительную власть.

Р.М. Фролов завершает рассмотрение этого сюжета следующим выводом:

«Остается заключить, что десигнаты обращались с неофициальными просьбами, а не рассылали обязательные к исполнению эдикты, неважно, с отложенным действием или вступавшие в силу немедленно» (с. 241). Это заключение представляется слишком категоричным, поскольку в данном случае отсутствие в источниках достаточной информации может объясняться состоянием самих источников, так что здесь *argumentum e silentio* – всё же не самый сильный довод.

Лично у меня особенный интерес вызвала 5 глава диссертации, в которой речь идет о Втором триумvirате. В частности, представляется, что в некоторых случаях Р.М. Фролов придает слишком большое значение формально-юридической стороне дела, что, конечно, объясняется спецификой темы исследования. К примеру, полемизируя с Гербертом Бенарио, диссертант, в отличие от него, считает, что в 37 г. до н.э. триумвиры реально таковыми не являлись, но относились к этому спокойно, так как «и в этом году сохранявшиеся проконсульские полномочия были более или менее достаточны для достижений их целей, особенно если помнить, что оба консула являлись их сторонниками. С их помощью бывшие триумвиры, хотя и в неравной степени, все еще могли контролировать сферу *domi*» (с. 849). Последняя фраза, насколько я понимаю, подразумевает, что реальным хозяином положения в самом Риме был Октавиан, в отличие от находившегося на римском Востоке Антония. Однако известно, что у последнего тогда хватало сторонников среди сенаторов, и этого обстоятельства «сын божественного Юлия» не учитывать не мог.

Эти соображения справедливы, однако главной причиной того, что, хотя второе пятилетие триумvirата если и было узаконено комициями, то лишь задним числом, а начало новой точки отсчета принято датировать 1-м января то ли 37-го, то ли даже 36 г. до н.э., в зависимости от точки зрения исследователей, Октавиан и Антоний столь откровенно пренебрегали формальностями потому, что опирались на вооруженную силу, противопоставить которой их оппонентам было нечего, да и оппонентов в результате проскрипций, разгрома республиканцев при Филиппах и дарованной триумвирами амнистии тем, кто из проскрибированных был спасен Секстом Помпеем, а после Путеольского соглашения возвратился в Рим, оставалось не так много. Поэтому даже в период хронологического

зазора между первым и вторым пятилетием триумvirата носители верховной власти едва ли считали себя «бывшими триумвирами», как выразился диссертант. Примечательно, что сам Август уже в преклонном возрасте, незадолго до смерти, счел необходимым подчеркнуть непрерывность своего пребывания в должности триумвира: *Triumvirum rei publicae constituendae fui per continuos annos decem*. Та же формулировка в греческом варианте «Деяний»: *synechésin étesin déka* (RgdA. 7).

Здесь имеет место не только расчет на главное свойство человеческой памяти — забывчивость, что в свое время отметили отечественные исследователи «*Res gestae*» Я.Ю. Межерицкий и В.Г. Борухович. Скорее, принцепс вольно или невольно продемонстрировал, что этот «люфт» лично для него не имел ровным счетом никакого значения (как, добавим в скобках, и для его коллег по триумvirату, особенно Антония. Лепид к тому времени был явно оттеснен на задний план и решающей роли не играл. Его попытка пересмотреть «правила игры» после разгрома Секста Помпея окончилась для него плачевно).

Если рассуждать формально, то можно согласиться с Р.М. Фроловым, что, коль скоро Октавиан и Антоний между первым и вторым пятилетием триумvirата обладали проконсульским империем, который в этом промежутке времени обеспечивал им необходимый объём властных полномочий, и могли обеспечить консулат своим сторонникам, то чрезвычайная власть триумвиров была им не столь уж необходима.

Однако дьявол, как известно, прячется в мелочах. Во-первых, весь период между окончанием первого пятилетия триумvirата и соглашением в Таренте 37 г. до н.э. отношения между Октавианом и Антонием балансировали на грани военного конфликта. Во-вторых, консулами-эпонимами 37 г. были М. Випсаний Агриппа, правая рука Октавиана, в будущем «организатор победы» как над Секстом Помпеем, так и над Антонием, и Л. Каниний Галл. Информации о последнем крайне мало, однако известно, что он в свое время был в дружеских отношениях с Цицероном, а его сын много лет спустя, во второй половине 2 г. до н.э., был консулом-суффектом, причем его коллегой по консулату был сам Август, после долгого перерыва принявший должность ординарного консула. С учетом этих обстоятельств можно уверенно заключить, что и второй ординарный консул 37 г. был сторонником Октавиана. Единственным же консулом-суффектом этого года был Т. Статилий Тавр, видный военачальник всё того же Октавиана.

Таким образом, уже по политической принадлежности обладателей консульской должности в период, так сказать, *interregnum* (до встречи Антония и Октавиана в Таренте и заключенного там соглашения) можно видеть, что на консулов 37 года обожатель Клеопатры рассчитывать никак не мог — в соперничестве между обоими триумвирами «молодой Цезарь» уверенно переигрывал повелителя римского Востока. Поэтому Антоний никак не мог позволить себе даже временно отказаться от чрезвычайных

полномочий триумвира, а если это так, то и Октавиану не было никакого расчета ставить себя в проигрышное по сравнению с соперником политическое положение, оставляя за собой лишь проконсульский империй и рассчитывая, кроме того, только на формальных носителей верховной власти, то есть консулов 37 г. до н.э., полномочия которых были жестко ограничены определенным сроком. Поэтому его уже процитированные выше слова «*Triumvirum rei publicae constituendae fui per continuos annos decem*» следует понимать так, что и с его точки зрения никакого перерыва между первым и вторым пятилетием триумvirата не было. В какой степени это соответствует действительности, его несколько не волновало, ни в старости, когда он писал или, что вероятнее, диктовал свои «Деяния», ни в молодости, когда за ним стояла столь мощная сила, как *partes Iulianae*, в особенности ее военная составляющая.

Дата окончания полномочий триумвиров также является дискуссионной и рассматривается в заключительной главе диссертации. Р.М. Фролов солидаризируется с теми исследователями, которые считают, что конечной датой Второго триумvirата являлось 31 декабря 33 г. до н.э.: «Будучи магистратурой с фиксированным *tempus* (...), триумvirат автоматически прекратился по истечении своего срока, т.е. после 31 декабря 33 г.» (с. 839). Альтернативная точка зрения относит окончание триумvirата к последнему дню 32 г. до н.э. В любом случае, после этого Октавиан и Антоний должны были сложить свои полномочия и перейти в категорию *privati*, однако этого не сделали.

В данном случае предпочтительным выглядит мнение Р.М. Фролова, которое сформулировано не только убедительно, но и, я бы сказал, изящно. Относится это к знаменитому заседанию сената 1 января 32 г. до н.э., когда в должность вступили новые консулы, антонианцы Гн. Домиций Агенобарб и Г. Сосий, и после речи Сосия, который обрушился на отсутствовавшего Октавиана с обвинениями, настроение в сенате было таким, что, если верить нашему источнику, принятие соответствующего постановления было предотвращено только трибунской интерцессией Нония Бальба, сторонника Октавиана (Cass. Dio L. 2.3–4). Диссертант подчеркивает: «Единственным собранием, на место проведения которого Октавиан никак не мог повлиять, было первое заседание сенаторов в новом году, 1 января, поскольку оно должно было проходить на Капитолии. Тот факт, что он именно на этом заседании Октавиан отсутствовал, несмотря на все угрозы, и, напротив, присутствовал на следующем собрании, ... объясняет попытку Сосия осуществить «блицкриг» против Октавиана именно 1 января. Отсутствие Октавиана в Риме 1 января было бы необъяснимым, если бы мы предположили, что он оставался триумвиром: зачем ему было бы покидать «поле боя», формально целиком доступное ему, и отдавать его своим противникам?» (с. 854 сл.).

Правда, при всей убедительности этого аргумента, на это можно возразить, что, если целью Октавиана было спровоцировать сторонников

Антония на открытое выступление – для зачистки своего тыла в неизбежной войне против своего бывшего коллеги по триумvirату, то ему логично было предоставить им все возможности для этого, что он и сделал. Добиться, чтобы ситуация за время именно этого заседания сената не вышла из-под контроля, тоже было не так сложно, всё же большинство сенаторов, свыше 700 человек, во время военной кампании против Антония предпочло принять сторону Октавиана (RgdA. 25.3). Среди них по состоянию на 1 января 32 г., конечно, были и колеблющиеся, готовые предпочесть более выгодный вариант, с учетом того, что ценой ошибки могла стать их собственная жизнь, но, на случай неблагоприятного развития ситуации, в запасе у «блиставшего тогда отсутствием» Октавиана всегда была трибунская интерцессия и пускать события на самотёк он явно не собирался.

Нетрудно заметить, что высказанные замечания не затрагивают основных положений и выводов диссертации, с которыми можно согласиться, оговорившись, правда, что наука не знает раз и навсегда установленных истин и многие аспекты рассмотренной Р.М. Фроловым темы нуждаются в дальнейшей разработке. Предложенная диссертантом концепция может найти применение в исследовании соответствующих статусов римских магистратов и тех политических акторов, которые формально относились к категории *privatus*, но уже времени Империи. Несмотря на объем диссертации, не исчерпаны и исследовательские возможности и для эпохи Республики, к примеру, за рамками диссертации осталось политико-юридическое положение таких видных фигур заключительного периода Второй гражданской войны, как Брут и Кассий, Секст Помпей, тот же Марк Эмилий Лепид, при всей его кажущейся бесцветности.

В заключение отзыва считаю необходимым констатировать, что рассматриваемая диссертация представляет собой серьезный вклад в отечественную науку об античности. Она выполнена с учетом последних достижений мировой науки, отличается высоким уровнем анализа рассматриваемых вопросов, умением автора разбираться в порой труднопереводимой на современные языки римской политико-юридической терминологии и выяснением ее истинного значения. При этом нельзя не отметить широкую эрудицию Р.М. Фролова, его стремление на протяжении всего исследования добраться до сути дела, обстоятельно аргументировать собственную позицию, опровергнуть доводы изучавших до него эту проблематику или, напротив, согласиться с ними.

Результаты данного диссертационного исследования, несомненно, найдут применение в научно-исследовательской работе, в преподавании как общего курса истории Древнего мира, так и специальных курсов, в том числе историко-правовых дисциплин.

Автореферат и публикации автора отражают основные положения и выводы диссертации, которые в достаточной степени апробированы на всероссийских и международных конференциях.

Представленная Р.М. Фроловым диссертация является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как важное научное достижение. Работа написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о крупном личном вкладе автора диссертации в науку об античности.

Таким образом, диссертационное исследование «Между privati и magistratus: граждане переходных статусов в политической жизни Римской республики» является научно-квалификационной работой, отвечающей критериям, сформулированным в пп. 9–11 Положения о порядке присуждения ученых степеней от 24 сентября 2013 г. № 842, с последующими редакциями и изменениями, а ее автор, Фролов Роман Михайлович, заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.2 – Всеобщая история (история Древнего мира).

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры церковной истории
религиозной организации – духовной
образовательной организации высшего образования
«Саратовская православная духовная семинария»

Парфенов Виктор Николаевич

12.09.2026.

Контактные данные:

тел.: 7(8452) 22-49-17, e-mail: vparfenov@list.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

07.00.03 – Всеобщая история (древний мир)

Адрес места работы:

410028 Россия, г. Саратов, ул. им. Мичурина И.В., д. 92.

Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования «Саратовская православная духовная семинария Саратовской Епархии Русской Православной Церкви», кафедра церковной истории.

Телефон: (8452) 49-18-44.

Электронная почта: Kanzspds2@yandex.ru

Подпись сотрудника организации В.Н. Парфенова удостоверяю:

Зав. канцелярией СПДС

В.О. Подставина

12.09.2026.